

Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут
(Мф. 5;7)

«У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего», – иронично заметил французский мыслитель Ларошфуко. Да, в этом смысле многие из нас богатыри. Причем средства массовой информации служат своего рода тренажерами. На человека сваливается огромное количество информации, которое, по идее, должно было бы разорвать его сердце в клочья, столько поводов для сострадания в этих сообщениях. Но эффект, как правило, обратный (за исключением тех случаев, когда внимание намеренно привлекается именно с целью вызвать сочувствие общественности). Обратный эффект заключается либо в том, что человек привыкает к бедствиям других людей (о которых постоянно не только слышит, но благодаря техническому прогрессу и бессовестности заправил СМИ еще весьма красочно созерцает, и не только последствия, но зачастую сам процесс бедствия или совершения злодеяния), либо этот эффект состоит в том, что сердечное внимание, в котором нуждаются ближние переключается на дальних.

Разумеется, мы должны знать, что происходит в мире, но для чего? Чтобы удовлетворить любопытство? Как правило, именно ради этого люди во все времена интересовались новостями. Только нынче банальную сплетницу «старых добрых времен» сменила «четвертая власть» (пресса). Сплетничать, распускать слухи, любопытничать, да и просто празднословить, пусть даже формально говоря правду – все это никогда не приветствовалось культурными людьми. Тем более требовательным к себе человек становится под влиянием культуры духовной – благочестия.

Прежде чем открыть свои органы чувств, которые суть орудия познания мира, он должен самому себе задать ряд вопросов: во-первых, кому

и на каком основании он доверяет как источнику информации, а во-вторых, зачем это знание нужно ему или кому-нибудь другому? Имеет смысл интересоваться историей, событиями настоящего, прогнозами на будущее, мнениями компетентных лиц, чтобы в итоге выработать **свою собственную позицию** по тем или иным вопросам, **должную позицию**, которая основывалась бы не на субъективных симпатиях, или корыстных интересах, не на одностороннем и поверхностном видении проблемы, а на глубоком знании вопроса, чтобы при случае и мнение высказать соответствующее истине, и позицию занять достойную, дабы не оказаться невольным среди тех, кто льет воду на мельницу всевозможных злодеев. Это касается не только жизни светской, но и духовной. Очень важно интересоваться историей церковной – она полна уроков для тех, кто склонен учиться на чужих ошибках, она еще более преисполнена примеров торжества преображенного человека в самых нечеловеческих, гнусных условиях. Есть свои закономерности и в ошибках, и в достижениях. И последнее время немало полезной информации на этот счет поступает через те же СМИ.

Но есть в интересе к новостям и другой аспект. Крайне редко встречающийся. Это возможность сострадания миру. Сострадания молитвенного. Мы узнаем о чьей-то скоропостижной смерти: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего (такого-то)», узнаем о чьем-то исчезновении, заболевании, ином страдании: «Спаси, Господи, и помилуй (таких-то)», да и о своих родных и близких не следует забывать. Внимательнее отнестись, может быть, к ним. Ведь у тех, о ком только что нам сообщили, тоже были родственники и друзья, которым в голову не приходило, что какое-то нелепое стечение обстоятельств... – и все!

Но до чего же редко люди интересуются новостями ради этих двух вышеописанных целей. В основном тешат страсть любопытства, все более притупляя свою душевную чувствительность, **жалость**, в которой так нуждаются их ближние. А ведь жалость – великое чувство, мощная сила. *«Господство над материальной чувственностью, солидарность с живыми*

существами и внутреннее добровольное *подчинение* сверхчеловеческому началу – вот вечные, незыблемые основы нравственной жизни человечества», – говорит русский философ Владимир Соловьев. Вот как раз в **жалости** и проявляется эта «*солидарность* с живыми существами». Философ обращает наше внимание, что в отличие от сорадования и сонаслаждения (которые могут быть и греховны в зависимости от предмета радости и наслаждения), страдание и сострадание греховными быть не могут. Даже когда страдания заслужены (не говоря уже о подвиге мученическом) «само страдание отделяется от своей причины и не заключает в себе нравственной вины, а напротив, признается ее обличением и искуплением. Хотя пьянство есть грех, но никакой ригорист не усмотрит греха в головной боли от похмелья. А потому и участие в чужом страдании (хотя бы заслуженном) – сострадание, или жалость, – никогда не может представлять ничего безнравственного. Сочувствуя страждущему, я вовсе не одобряю дурную причину его страдания. Сожаление о страданиях преступника, конечно, не есть одобрение или оправдание преступлений. Напротив, чем большую жалость возбуждают во мне прискорбные последствия чьих-нибудь грехов, тем сильнее мое *осуждение* этих грехов».

Именно чувство *солидарности* изначально побуждает нас интересоваться жизнью ближних и дальних, исследовать историю, беспокоиться о будущем грядущих поколений. Другое дело, что как всякое естественное добро, и это свойство под напором греха, прочно укоренившегося в нашей природе, дает порой весьма уродливый крен, или в виде хамского авторитарного вторжения в чужую личную жизнь, или в виде собирания и распространения слухов, не говоря уже про всевозможные общественно-политические движения или другие явления, когда жалость если даже и выступает как мотив побудительный к действию, то впоследствии испаряется бесследно.

Сострадание, жалость, чувство солидарности могут вызывать в нас и агрессию, ненависть к тем, кто по нашему мнению виновен в страданиях

того, к кому мы преисполнились прекрасных чувств. И жалость к одному станет причиной безжалостности к другому. Примеров тому предостаточно в жизни каждого из нас. Мы, интуитивно чувствуя свою солидарность с себе подобными, тем не менее, зачастую делим всех и вся на «своих» и «чужих», потому что упускаем из виду главную основу межчеловеческой солидарности – **образ Божий**. «Жалость, которую мы испытываем к существу, подобному нам, – пишет Соловьев, – получает иное значение, когда мы видим в этом существе образ и подобие Божие. Тут мы признаем за этим существом *безусловное* достоинство, признаем, что оно есть цель для Бога и тем более должно быть целью для нас, что сам Бог не делает его *только* орудием Своего действия, и тем не менее мы имеем право делать его таким орудием для себя, – *мы уважаем это существо, так как Бог его уважает*, или, точнее: мы должны с ним считаться, так как Бог с ним считается. Жалость в тех случаях, когда она сама по себе была бы естественна, не исчезает и при этой высшей точке зрения, – напротив, она только усиливается и углубляется. Я жалею в этом существе не только его страдания, но и причину их – я жалею о том, что его действительность так далека от его существенного достоинства и возможного совершенства».

Однако кроме соблазна обычного эгоистичного жестокосердия, существует еще и другой соблазн – мнимой духовности. Обычный эгоизм либо откровенно жесток, либо прикрывается физической, психической, экономической ограниченностью («на всех не хватает», «я не двуязычный» и т.д.). Мнимая духовность – тот же эгоизм, но прикрывается он уже не мнимой бедностью или слабостью, а «возвышенностью устремлений». Такой немилосердный эгоист кивает на пример святых отцов-пустынников, пребывавших бесстрастными и как бы безразличными к тому, что происходит в мире. Но, во-первых, отцы-пустынники не были безразличны к жизни мира, они – великие молитвенники за этот мир, просто их сострадание судьбам человечества очищено от страстей, которыми полны мы, потому что они переросли наше душевное состояние; во-вторых, они вышли из мира, как

бы умерли для него, для его нужд в силу своего монашеского поприща – их задача трудиться почти исключительно над собой, а если скорби мира отвлекают от главного, ради чего они, собственно, приняли «ангельский образ», то с их стороны вполне уместно отсутствие всякого интереса к нему. Но именно такими светильниками, такими духовными столпами и держится мир, подобно тому, как в Содоме когда-то десяти праведников было бы достаточно, чтобы весь город не подвергся бы разрушению.

Те же, кто сами себя обманывают, изображая бесстрастие (стоическое, буддийское или иное, но только не христианское), могли бы привлечь внимание, что они и не монахи, и не бесстрастны, а просто равнодушны. Это не тот мирный дух, стяжание которого заповедовал преп. Серафим Саровский, но всего лишь недостаток сострадания. Их равнодушие к событиям, настроениям, тенденциям в общественно-политической жизни, к заблуждениям одних и злоупотреблениям других, к судьбам целых обществ и государств – не от большой духовности, но от беспечности и безразличия к «внешним»: *мы – причастники Истины, а состояние тех, кто идет на поводу своих страстей и носится волнами житейского моря – это их проблемы...* Что напоминает хрестоматийное «мы уже в трамвае – больше никого не пустим».

Духовное начало в себе нужно развивать, по возможности не застревая в душевном, но попытка сразу перепрыгнуть из плотского состояния в духовное, минуя душевное, приводит к тому, что человек становится бездушным – духовного не достиг, а душевное растерял. У св. Игнатия Брянчанинова есть по этому поводу замечательные слова: «Если будешь сострадать ближним, то получишь помощь, **если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь**».